

по сравнению с его пребыванием в стране изучаемого языка.

Таким образом, исходя из данных исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Внутриязыковая интерференция в речи индивида оказалась более частотной, чем межъязыковая. Это доказывает, что на продвинутом этапе усвоения неродного языка индивид меньше опирается на структуры родного языка, все больше руководствуется правилами изучаемого языка, но еще не усвоил их в полной мере.

2. У носителя английского языка интерференции, как внутриязыковой, так и межъязыковой, подвержены все языковые уровни, но сильнее всего грамматический, особенно морфология и пунктуация.

3. По мере погружения индивида в языковую среду изучаемого языка общее количество интерферентных явлений, как в устной, так и в письменной речи, постепенно уменьшается, особенно в области внутриязыковой интерференции.

Литература

1. Алимов, В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации) / В.В. Алимов. – М., 2011.
2. Багана, Ж. Контактная лингвистика: Взаимодействие языков и билингвизм / Ж. Багана, Е.В. Хапилина. – М., 2010.
3. Боковня, А.Е. Интерференция при обучении иностранному языку (на примере парадигматической лексико-

синтаксической интерференции) и возможные пути ее преодоления в процессе работы над лексикой: автореф. дис. ... канд. пед. наук / А.Е. Боковня. – М., 1995.

4. Баранникова, Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблема двуязычия и многоязычия / Л.И. Баранникова. – М., 1972.

5. Вайнрайх, У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх; пер. с англ. и коммент. Ю.А. Жлуктенко. – К., 1979.

6. Виноградов, В.А. Интерференция / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.

7. Гураль, С.К. Интерферентные явления и положительный перенос (английский, французский и итальянский языки) / С.К. Гураль, Е.И. Сорокина // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2012. – № 354. – С. 7 – 11.

8. Дьячков, М.В. Проблемы двуязычия (многоязычия) / М.В. Дьячков. – М., 1992.

9. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань, 2010.

10. Томахин, Г.Д. Лингвистические аспекты лингвострановедения / Г.Д. Томахин // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 113 – 118.

11. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 61 – 80.

12. Чиршева, Г.Н. Введение в онтобилингвологию / Г.Н. Чиршева. – СПб., 2000.

13. Чиршева, Г.Н. Основы онтобилингвологии: русско-англ. материал.: дис. ... д-ра филол. наук / Г.Н. Чиршева. – СПб., 2001.

14. Чиршева, Г.Н. Анализ билингвальной речи / Г.Н. Чиршева. – Череповец, 2004.

УДК 81'246.2

Г.Н. Чиршева, П.В. Коровушкин

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Н.П. Павлова

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В АКТИВНОМ И ПАССИВНОМ СЛОВАРЕ ДВУЯЗЫЧНОГО РЕБЕНКА

Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции «Взаимодействие языков и культур» 24 – 27 апреля 2014 г.

В статье рассматриваются особенности межъязыковых эквивалентов в пассивном (репродуктивном и рецептивном) и активном (продуктивном) лексиконах ребенка, который одновременно усваивает русский и английский языки в русской семье. Анализируются различия между составом межъязыковых эквивалентов в активном и пассивном словарях. Выявляются причины несовпадений, наблюдающихся в составе разных частей билингвального лексикона ребенка на возрастных этапах от 1 года 4 месяцев до 3 лет.

Одновременное усвоение языков, межъязыковые эквиваленты, активный словарь, пассивный словарь.

The article focuses on the characteristics of translation equivalents in the passive (reproductive, receptive) and active (expressive, productive) vocabulary of a bilingual child who simultaneously acquires Russian and English within a Russian family. The authors analyze the differences between the representations of translation equivalents in active and passive vocabularies. They also find out possible reasons for passive-active gaps that are observed in the bilingual child's speech development at the age stages from 16 to 36 months old.

Simultaneous acquisition of languages, translation equivalents, active vocabulary, passive vocabulary.

Цель данной работы – описать состав межъязыковых функциональных эквивалентов в раннем билингвальном словаре ребенка (Миши), одновременно усваивающего русский и английский языки, и установить, какие причины вызывают заметные различия между составом таких эквивалентов в пассивном и активном словаре.

Выделение активного и пассивного словарей в данной работе основано на учете двух обязательных критериев билингвизма – компетенции и коммуникативной активности; при этом рассматривают три типа билингвизма: продуктивный, репродуктивный и рецептивный [5, с. 11], [6, с. 54].

Продуктивный билингвизм во многом совпадает с активным (ребенок и понимает, и порождает речь на каждом из двух языков). При этом речь ребенка на разных языках не всегда одинакова по степени активности, тем не менее, он пользуется каждым языком и как средством общения, и как средством познания окружающей действительности. Продуктивный билингвизм формируется в благоприятных условиях: при достаточно сбалансированном двуязычном инпуте, адекватно применяемых стратегиях и методах билингвального воспитания, хорошей информированности родителей в вопросах детского билингвизма.

Рецептивный билингвизм проявляется в том, что ребенок понимает речь на обоих языках, но разговаривает только на одном из них. Такие случаи считаются довольно частотными в билингвальных ситуациях – А. Де Хоувер рассматривает их как одну из распространенных моделей поведения ребенка-билингва [7, с. 2 – 4], наряду с той моделью речевого поведения, которую мы называем продуктивным билингвизмом. При рецептивном билингвизме речь ребенка на доминантном языке (обычно языке общества) может быть адекватной его коммуникативному возрасту и продуктивной, а на недоминантном языке (обычно на том языке, который ребенок усваивает дома и не имеет возможности использовать за его пределами) он речь понимает, но сам почти ничего не говорит. Его лексикон на недоминантном языке в таких случаях является пассивным.

Репродуктивный билингвизм для маленького ребенка проявляется в том, что в речи на одном языке он лишь воспроизводит те единицы, которые он слышит от взрослых, т.е. маленький ребенок понимает речь на обоих языках, но продуктивен лишь на одном, а на другом языке обычно лишь повторяет сказанное взрослым. Его индивидуальная активность в таких случаях проявляется только в том, что он выбирает, что он хочет воспроизводить, а что – нет. Именно так пока в свои три года ведет себя Миша: он адекватно реагирует на то, что ему говорят и по-русски, и по-английски, но отвечает обычно по-русски. Если его переспросить по-английски, он иногда подтверждает, что именно это хотел сказать, а иногда повторяет то, что его просят. Однако он очень редко сам инициирует общение по-английски. Формирование репродуктивного билингвизма наблюдается при заметно несбалансированном двуязычном инпуте.

Для описания раннего словаря ребенка целесообразно выявить тематические группы его активной и пассивной лексики, так как они отражают обобщенное распределение объектов, явлений и процессов окружающего мира. Билингвальный ребенок познает окружающий мир, членя его с помощью двух языков. Однако из каждого языка в его активный словарь эти лексемы попадают неравномерно.

Рецептивный (пассивный) словарь может значительно отличаться от продуктивного (активного, экспрессивного). Состав рецептивного словаря ребенка проверяют с помощью показа: называют что-то и просят ребенка показать на картинках или на объектах то, что названо. Если ребенок адекватно показывает названный объект, соответствующая лексема воспринимается им адекватно. Для проверки рецептивного билингвального словаря важно, чтобы ребенок показывал те же самые объекты в ответ на аналогичные просьбы на каждом языке.

Рецептивный словарь Миши на каждом языке формируется благодаря книгам, мультфильмам, песням, играм. Поэтому большую роль в этом процессе имеет организация инпута и тех видов деятельности, в которых участвует каждый из родителей и другие взрослые. Тематика лексики, входящей в повседневный рецептивный словарь Миши, отражает специфику бытового общения с родителями и другими родственниками. У современного ребенка в повседневный словарь прочно вошли не только названия обычных игр и игрушек, но также компьютеры, мобильные телефоны, разнообразные виды бытовой техники, автомобили. В рецептивном словаре все эти названия представлены в одинаковой степени.

Проблема проверки состава рецептивного словаря состоит в том, что продемонстрировать понимание того, что просят ребенка показать, ограничивалось, главным образом, существительными, которые ребенок показывал на картинках или на реальных объектах. Понимание глаголов можно было проверить только на примере глаголов движения и некоторых других, обозначающих наглядные действия. Например, можно было попросить: “*Jump!*” ребенок прыгал, или спросить: “*Are you drawing?*” и ребенок кивал в ответ. В ответ на вопрос: “*Where are you sleeping?*”, – Миша ложился в кроватку и изображал, как он спит.

Одной из особенностей двуязычного словаря ребенка является наличие межъязыковых функциональных эквивалентов (далее – МФЭ). В работах по детскому билингвизму их называют по-разному: билингвальные синонимы [8, с. 177], переводные эквиваленты, или межъязыковые синонимы (translation equivalents) [7, с. 202 – 205]. В виде наименований для обозначения одних и тех же референтов они могут появиться в лексиконе ребенка довольно рано, среди первых слов, но, как считает А. Де Хоувер, их можно с полным правом назвать межъязыковыми эквивалентами или синонимами только тогда, когда ребенок их осознает как таковые [7, с. 202]. В нашей терминологии такие межъязыковые эквиваленты – составные части продуктивного словаря.

В работах по раннему русско-английскому моноэтническому детскому билингвизму в русских семьях межъязыковые функциональные эквиваленты рассматриваются среди наиболее значимых проблем, связанных с дифференциацией языков, отношением к усваиваемым языкам, формированием переводческих способностей ребенка [1], [2], [3], [4].

Исследуя активный лексикон Пети, Г.Н. Чиршева отметила, что к 2 г. он использовал 15 МФЭ. Первая пара МФЭ у него появилась в 1 г. 7 мес.: *tea – чай*. Далее МФЭ стали добавляться по 2 – 3 пары в месяц. Тематика его МФЭ отражала обозначения людей, животных, домашних вещей, напитков, отдельные действия, слова согласия и несогласия (*да, нет*) и некоторые отдельные признаки [4, с. 91].

В работе Е.Л. Тотмяниной указывается, что в активном лексиконе ее сына первая пара МФЭ появилась в 1 г. 8 мес.: *dirty – кака*, в 1 г. 9 мес. добавились еще два МФЭ: *car – бибика, lamp – лампа*, в 1 г. 10 мес. – еще два МФЭ: *cat – куца, sausage – колбаса*. К 2 годам ребенок пользовался 40 МФЭ. Тематика их была довольно разнообразной: обозначения людей, еды, животных, игрушек, домашних вещей, приветствия и прощания, обозначения признаков в виде прилагательных, наречий и/или лепетных редупликатов [2, с. 175 – 176].

Д.А. Мошникова, исследовавшая ранний билингвизм своей племянницы, выявила в ее активном словаре в возрасте 2 лет 13 МФЭ. При изучении лексикона ее сына она отметила 2 МФЭ еще в возрасте 1 г. 3 мес.: *miisa – bear, биби – car* [1, с. 142].

Первые признаки того, что Миша понимает эквивалентность лексем двух языков, можно было наблюдать, когда на вопрос, заданный на одном языке, ребенок дал в ответе его эквивалент. Например, когда Мишу спросили по-английски: «*Where is your granny?*», он показал на бабушку и сказал: «*Баба!*». На англоязычные просьбы: «*Say good-bye*» Миша в ответ машет ручкой и говорит по-русски: «*Пока!*». Такие реакции, свидетельствующие о понимании (comprehension), но не всегда о способности применять в речи (production), зафиксированы в речи Миши с возраста 1 г. 8 мес., т.е. их можно отнести к рецептивной части МФЭ.

Первые межъязыковые функциональные эквиваленты в продуктивном словаре Миши начали появляться лишь в 1 г. 10 мес., что, по сравнению с ранее исследованными русско-английскими детьми-билингвами [1], [2], [3], [4], отстает на несколько месяцев. Этот факт можно объяснить в первую очередь явной несбалансированностью инпута в билингвальном воспитании Миши. При этом нельзя говорить о том, что он не дифференцировал языки, поскольку он сознательно не желал использовать некоторые лексемы на английском и некоторые лексемы на русском языке.

При исследовании МФЭ в активном лексиконе ребенка важно также проследить следующие показатели: соотношение количества МФЭ и общего объема словаря ребенка, направление появления МФЭ, интервал между появлением эквивалентов. Выявление соотношения МФЭ к общему объему словаря у

детей в возрасте 2 лет в предыдущих исследованиях русско-английского моноэтнического билингвизма позволило получить следующие показатели: у Пети – 12 % [4, с. 92], у Андриюши – 20 % [2, с. 176], у Алики – 28 % [1, с. 142].

У Миши к 2 г. в активном словаре было всего 2 МФЭ (4 % от всего активного словаря). В его рецептивном и репродуктивном лексиконах они были представлены значительно шире. Этот факт свидетельствует об активном действии стратегии, которая более характерна для монолингвального развития и описывается как «взаимоисключение лексем» (Mutual Exclusivity): ребенок избегает двух наименований для одного и того же объекта. Двухязычные дети, как указывает Ж. Пенг, эту стратегию почти всегда подавляют, особенно в одноязычной коммуникации на доминантном языке [10, с. 169]. К. МакКлур также считает, что ребенок, одновременно усваивающий два языка, редко использует стратегию взаимоисключения [9].

Направление появления лексем в парах МФЭ – один из показателей доминантности языка в билингвальном развитии ребенка. У Пети к двум годам первыми чаще были русские лексемы (60 %), в три раза реже первыми были английские эквиваленты, и 20 % пар МФЭ появились практически одновременно [4, с. 92 – 93].

У Андриюши в 60 % случаев первыми были отмечены английские слова, в 32 % – русские, и 8 % появились практически одновременно. Е.Л. Тотмянина в этом факте видит явное несоответствие с идеей доминантности языка, поскольку в коммуникации Андриюши явно доминировал русский язык. Однако после 2 лет доминантность русского языка начала вполне отчетливо коррелировать с направлением появления лексем в парах МФЭ: первыми все чаще стали появляться русские слова [2, с. 176].

Из двух МФЭ у Миши к возрасту 2 г. в одной паре первым появилось английское слово *car* (1 г. 4 мес.), потом русское *бибика* (2 г.) и намного позднее – *машина* (2 г. 5 мес.). Вторым МФЭ было русское лепетное сочетание *ав-ав* (1 г. 6 мес.) для обозначения собаки, затем английское лепетное *bow-wow* (1 г. 10 мес.), и только в 2 г. 7 мес. их вытеснило английское слово *dog*. Получается, что до двух лет по МФЭ в активном словаре Миши о доминантности одного из языков судить было нельзя.

По направлению тех МФЭ в словаре Миши, которые зафиксированы в возрасте от двух до трех лет, можно утверждать, что чаще первыми в эквивалентных парах были английские лексемы (16 = 62 %), но нередко первыми появлялись и русские слова (10 = 38 %).

Еще один показатель – интервал в появлении второго эквивалента в паре МФЭ – позволяет судить о равномерности в пополнении двухязычного словаря и действии стратегии взаимоисключения: чем меньше интервал, тем сбалансированнее развивается двухязычный лексикон и тем активнее подавляется стратегия взаимоисключения. Следствием этих процессов является развитие спонтанной переводческой активности билингвального ребенка.

У Пети интервал между появлением лексем в парах МФЭ сократился до минимума в 2 г.: эквиваленты стали появляться практически одновременно – в один и тот же день или через день [4, с. 92 – 93]. Это говорит о том, что в двухлетнем возрасте у него началось активное дублирование его билингвального лексикона, у ребенка отчетливо проявилась потребность обозначить одни и те же денотаты словами каждого из двух языков.

В активном словаре Андрюши с возраста 2 г. также активизировалась тенденция к почти одновременному появлению сразу двух эквивалентов. Однако возрастающая доминантность русского языка проявилась в том, что первыми появлялись только русские лексемы, что требовало от его папы, интенсивнее реагировать на это явление и привлекать внимание ребенка к английским эквивалентам. Не всегда это удавалось, поэтому английские эквиваленты постепенно уходили в пассивный словарь мальчика [2, с. 176 – 177].

Спецификой пополнения активного билингвального словаря Миши является то, что интервал между появлением эквивалентных лексем у него оставался довольно значительным вплоть до возраста 2 г. 11 мес. От появления первого слова в паре МФЭ до его эквивалента могло пройти от нескольких месяцев до года. Например, *sleep* (1 г. 10 мес.) – *спать* (2 г. 5 мес.); *bear* (1 г. 10 мес.) – *мишка* (2 г. 2 мес.) – *медведь* (2 г. 8 мес.); *баба* (1 г. 6 мес.) – *granny* (2 г. 5 мес.); *upal* (1 г. 4 мес.) – *fall* (2 г. 3 мес.) и т.д. Первые МФЭ, которые появились почти одновременно, зафиксированы в 2 г. 5 мес. (*broken* – *сломана*), затем – в 2 г. 9 мес. – следующая пара (*здесь* – *here*). Но лишь в 2 г. 11 мес. активность почти одновременного появления эквивалентов усилилась (*bread* – *хлеб*; *lion* – *лев*; *chair* – *стул*; *home* – *домик* и т.д.). Это еще одно подтверждение тому, что в билингвальном развитии Миши до трех лет очень активно действовала стратегия взаимного исключения, характерная для монолингвального развития. Ее преодоление началось значительно позднее, чем у других детей, которые одновременно усваивали русский и английский языки в русскоязычных моноэтнических семьях.

К трехлетнему возрасту в развитии билингвального словаря Миши по-прежнему сохраняется значительный разрыв между МФЭ его рецептивного, репродуктивного и продуктивного словаря. При этом в рецептивном словаре почти в равной степени находится как английская, так и русская лексика, т.е. в активный словарь проникает либо английская, либо русская лексема, но не оба эквивалента. То же самое касается и репродуктивного словаря: Миша сам выбирает, какие лексемы повторить на русском языке, а какие – на английском, и при этом трудно бывает понять, на чем основан его выбор. Иногда он объясняется артикуляционными особенностями слов (более трудные не повторяет), иногда – какими-то его личными пристрастиями. Например, он упорно не хочет говорить при прощании английские слова – в

ответ на *good-bye* или *bye-bye* говорит только *пока*, не повторяет английские прощания, даже если его специально об этом просят. В каких-то случаях Миша, видимо, не желает отступать от того слова, которое узнал по-русски, например, когда мама дала ему сок, он сразу же повторил это слово, а на просьбу бабушки назвать сок по-английски (*It's juice*) открыто отказался: «*Нет, это сок!*».

К трехлетнему возрасту русскоязычный словарь Миши пополняется активнее благодаря общению с воспитателями и со сверстниками в детском саду, однако от общения по-английски с папой, бабушкой и бабушкой он не отказывается, поэтому, хотя и очень медленными темпами, его билингвальный словарь также развивается. Медленные темпы характеризуют и сокращение разрыва между рецептивным, репродуктивным и продуктивным словарем, но динамика все же положительная.

Рассмотренные характеристики МФЭ с дифференциацией на продуктивные, репродуктивные и рецептивные единицы отражают развитие речевой деятельности билингвального ребенка на обоих языках и усиление доминантности русского языка: к трехлетнему возрасту разрыв между рецептивными, репродуктивными и продуктивными русскими лексемами сокращается намного динамичнее, чем между их эквивалентами из английского языка.

Литература

1. Мошникова, Д.А. Некоторые особенности речи детей на раннем этапе развития билингвизма / Д.А. Мошникова // Проблемы онтолингвистики – 2007: Материалы международной конференции. – СПб., 2007. – С. 142 – 143.
2. Тотмянина, Е.Л. МФЭ как признак дифференциации языков ребенком-билингвом / Е.Л. Тотмянина // Проблемы детской речи – 1999: Материалы Всероссийской конференции. – СПб., 1999. – С. 175 – 177.
3. Чиршева, Г.Н. Роль семантических эквивалентов в дифференциации лексических систем детей-билингвов / Г.Н. Чиршева // Проблемы детской речи – 97: Материалы всероссийской конференции. – СПб., 1997. – С. 72 – 74.
4. Чиршева, Г.Н. О дифференциации лексических систем детьми-билингвами / Г.Н. Чиршева // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 13, секция общего языкознания. – СПб., 1998. – С. 89 – 94.
5. Чиршева, Г.Н. Введение в онтобилингвологию / Г.Н. Чиршева. – Череповец, 2000.
6. Чиршева, Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков / Г.Н. Чиршева. – СПб., 2012.
7. DeHouwer, A. Bilingual First Language Acquisition / A. DeHouwer. – Bristol ; Buffalo ; Toronto, 2009.
8. Leopold, W.F. Speech development of a bilingual child: A linguist's record: v. 1. Vocabulary growth in the first two years / W.F. Leopold. – Evanston, Ill., 1954.
9. McClure, K. Mutual exclusivity and infant bilinguals / K. McClure // VIIIth International Congress for the study of Child Language / Abstracts. – San Sebastian, 1999. – P. 149 – 150.
10. Peng, J.S.C. Word learning strategies of monolingual and bilingual children in different code-mixing contexts / J.S.C. Peng // VIIIth International Congress for the study of Child Language / Abstracts. – San Sebastian, 1999. – P. 169.